

ДМИТРИЙ СВЕТЛОВ

НОРМАНН.
МЕДВЕЖИЙ
ЗАМОК

Норманн

Дмитрий Светлов

Норманн. Медвежий замок

«Махров»

2012

Светлов Д. Н.

Норманн. Медвежий замок / Д. Н. Светлов — «Махров»,
2012 — (Норманн)

ISBN 978-5-9922-1143-6

Русь четырнадцатого века. Князья бьются за расширение владений, доказывая силой оружия свое право на стол великого князя. От Оки до Волги пылает пламя междоусобных войн, и только Новгород высокомерно взирает на глупые амбиции правителей. Именно в эту обстановку попадает наш современник. У него всего лишь одно вполне прагматичное желание – выжить и вернуться назад, однако обстоятельства диктуют свои условия, вынуждая героя взяться за оружие, а судьба дарует ему Медвежий замок.

ISBN 978-5-9922-1143-6

© Светлов Д. Н., 2012

© Махров, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дмитрий Светлов

Медвежий замок

*Три друга: бесстрашное Сердце-герой,
Меч острый и белый да Лук золотой.*

Шанфара Быстроногий

Глава 1

Дорога назад

Он уже ехал по Карелии. Скоро наступит вечер, но время белых ночей и пара часов сумеречного неба не послужат помехой. Вроде и спешить незачем, в то же время не устал, а стандартный набор ям и колдобин на дороге взбодрит лучше любого поста ГАИ. Дальше будет еще хуже, примерно через час он свернет на проселок, который приведет его к конечной цели. Руслан ехал навестить свою пятилетнюю дочь, которая жила с родителями жены. Он планировал погостить дня три-четыре. Для ребенка он стал чужим дядей, а родители жены относились к нему без тепла и радушия. Вежливо благодарили за деньги и смотрели с немым укором. В чем его вина? Юля ушла со скандалом, бросив на его руках годовалую дочь. Ей хотелось яркой, насыщенной жизни большого города. А он кто? Простой рабочий обычного завода с комнатой в общежитии и судимостью в паспорте.

Они познакомились в ресторане во время одной из шумных вечеринок в его честь. После армии Норманн, а тогда Руслан Артурович Нормашов, приехал на заработки в Петербург. Юля окончила школу и подалась в большой город, она не желала прозябать в поселке городского типа. После трех месяцев ухаживаний сыграли пышную свадьбу, на которую невеста даже не позвала своих родителей. Норманн вырос у бабушки, родителей никогда не видел. Мать умерла при родах. Отец, солдат-срочник из расположенного недалеко в лесу ракетного дивизиона, дембельнулся и уехал. Так что детство и школа прошли под опекой бабушки. Немного подкупили денег, и Руслан купил подержанную «Ниву». Трагедия случилась почти сразу после рождения дочери.

После армии Норманн вместе со своим товарищем по службе подался в петербургскую милицию. Крепких дембелей оформили в ОМОН и поселили в казарме с перспективой получить ключи от комнаты в коммуналке или общежитии. Через пару месяцев на него обратил внимание прапорщик из Отдела физподготовки.

- Ты спортом раньше занимался?
- Да нет, не приходилось, – неуверенно ответил Руслан.
- Да? Нет? Или не приходилось? – переспросил прапор.
- Немножко баловался с друзьями во время службы.
- Тренер был? На соревнованиях выступал? – наседали прапорщик.
- Какой там тренер! – отмахнулся Руслан. – Так, один любитель самбо из пограничников да молодой офицер после училища – боялся спиться от безделья.
- Вот что, парень, – подвел черту прапор, – у тебя хорошие данные, рост, вес, пластика движений. Я с тобой месяцок позанимаюсь, потом посмотрим.
- Так дежурства, выезды, патрулирования... Я не смогу.
- Этот месяц мой и твои проблемы решу я! – ответил неожиданный благодетель.

Так началась его дорога в тюрьму. После месяца тренировок Руслана выставили на какие-то бои новичков, которые проходили в подвале сталинского дома недалеко от метро. Затем еще и еще, вскоре начались еженедельные выступления. Достаточно быстро его имя получило известность, что дало возможность выходить на бои в прокуренных залах. Собственно, это были не соревнования, а нечто похожее на драку. Быстро появились почитатели и друзья, которые отвозили в ресторан, где бурно праздновали победу. Впрочем, не всегда победу, случались и поражения – запах нашатыря Руслану был хорошо знаком. Бои накачанных стероидами двухметровых гигантов пользовались у публики большой популярностью. Чем больше мордобоя и крови, тем больше визга и денег.

В один из таких ресторанных вечеров и произошло знакомство с Юлей. К этому времени он получил вполне приличную комнату в общежитии недалеко от метро и кличку Норманн. Как-то раз тренер и наставник, старший прапорщик Владислав Артемович Бобров, задал неожиданный вопрос:

- Послушай Руслан, а какая у тебя в детстве была кличка?
- Русом звали, да и сейчас ребята из взвода так обращаются.
- Нет, Рус не годится, не то, – задумчиво ответил тренер. – Рус Нормашев – это смешно.

Ха! С этого момента для всех ты будешь Норманн!

- Почему Норманн? – не согласился Руслан. – Мне больше нравится быть русским.
- Двухметровый гигант и блондин должен быть Викингом!
- Я двухметровый и русский, не хочу быть ни Викингом, ни Норманном.
- Чудак человек, я же тебе не паспорт меняю, а псевдоним для афиши.

Так Руслан стал Норманном и продолжил беззаботно проживать свое время и деньги – днем – тренировки, вечером – бои и ресторан. Веселые дни закончились ночным арестом. Пришли знакомые омоновцы с лейтенантом и наручниками. Он надел джинсы, футболку и отправился досыпать в СИЗО, а утром выслушал обвинение в убийстве. Надежды на быструю развязку в нелепой ошибке скоро перешли в недоумение и уныние. Друзья прислали лощеного адвоката тридцати пяти лет, который посоветовал написать явку с повинной:

– Послушай, Норманн, я знаю, ты не виноват, но свидетели указывают на тебя. Вероятнее всего, вы с убийцей внешне очень похожи.

– Ну и что? Похож так похож, однако я спал дома с женой!

– Тут все далеко не просто, – проникновенно продолжил адвокат. – Убит очень серьезный человек с большими связями в криминальном мире. Я тебя вытащу, а бандюки возьмут на ножи.

– За что? Я же его не убивал!

– Кто тебя будет спрашивать? Сунут нож под ребра, и дело с концом. Пиши явку с повинной, отсидишь пять лет за непреднамеренное убийство.

– Не напишу! Я никого не убивал!

– Дурак! Я же для тебя стараюсь, со следователем договорился. Подумай сам, ты в Кре-стах две недели, а у тебя соглашаются взять явку с повинной.

– Договорись с этим лейтенантом толково провести следствие, а не хватать первого попавшегося человека.

– Ему это надо? У тебя нет таких денег. Не напишешь бумагу, тебе впаяют пожизненный срок за умышленное убийство, – с угрозой закончил адвокат.

Норманн долго бился как воробышек в клетке, да сдался, написал явку с повинной. Адвокат пообещал все уладить в лучшем виде и исчез.

Неизвестно чем бы закончилась эта история, да подсказал сокамерник, один из воров со стажем.

– Требуй замены адвоката, – подсказал вор-карманник.

– Зачем? – удивился Норманн. – У меня хороший адвокат, друзья нашли.

– Из твоей башки во время дурацких драк выбили последние мозги! – зашипел сокамерник.

– Мозги, может, и вышибли, да на другого адвоката у меня нет денег.

– Друзья свидетельствуют против тебя, они же наняли адвоката, который советует признаться в том, чего ты не делал.

– Этому адвокату заплатили большие деньги. Придет другой и бесплатно поможет? Не верю!

– Еще неизвестно, за что заплатили твои дружки, – ответил вор. – Похоже, ты им нужен в тюрьме.

– Зачем я им в тюрьме? – удивился Норманн.

– Твоей дубовой башке лучше этого не знать. – Карманник постучал Норманну по голове. – Пиши отказ, сухой буду.

В общем-то Норманн не страдал наивностью и знал достаточно историй, которые тишком рассказывали сослуживцы. Поразмыслив, послушался совета и написал отказ от адвоката. Бумагу куда-то отправили, а подследственный маялся в ожидании справедливого решения, разумом не мог поверить в чудовищную несправедливость. Новый адвокат появилась буквально накануне суда. Обычная женщина, каких много в переполненном метро или на рынке в поисках продуктов подешевле. Молодому человеку она не понравилась с первого взгляда, и он горько пожалел о своем решении. Ее предшественник смотрелся на много выгодней, круче и увереннее.

– Так, молодой человек, расскажите коротко и внятно, что у вас там произошло.

Он рассказал, сначала коротко и внятно, затем долго и подробно. Адвокат сделала в своих бумагах какие-то пометки и ушла. Второй раз они встретились накануне суда.

– Подпишите бумагу на суд присяжных. – Женщина протянула заполненный бланк. Убрав бумаги в обычную хозяйственную сумку, она продолжила: – Я побывала в вашем общении. Соседи подтверждают, что вы были дома, а жена, – адвокат испытующе посмотрела в глаза Норманна, – утверждает обратное. С ее слов вы ушли в ресторан.

Вторая встреча изменила отношение к «обязательному» адвокату. Женщина толково объяснила свою линию защиты и чуть ли не наизусть заставила выучить последние слова подсудимого. Сам суд пролетел гладко, как детские саночки со снежной горки. Прокурор зачитал обвинение, в котором клеймил позором Норманна, мол, такие, как он, позорят честь родной милиции. Из характеристики с места службы следовало, что обвиняемого надо было посадить в тюрьму еще до его рождения. Четыре мордоворота представились как свидетели обвинения. Они уверенно заявили, что Норманн ударом кулака убил их товарища. Сторона защиты свидетелей не предоставила, зато адвокат предъявила выписку из личного дела обвиняемого. Здесь удивились все присутствующие, оказывается Норманну еженедельно объявляли благодарность, а каждый месяц выписывали премии «За образцовое несение дежурства по охране общественного порядка». М-да, сюрприз! Тем не менее прокурор гневно потребовал десять лет строгого, а адвокат заявила о невиновности своего подзащитного. Последнее слово обвиняемого, финал судебного слушания. Норманн встал:

– Я искренне раскаиваюсь в произошедшем несчастье и никого не собирался убивать. Вы сами слышали, сколько у меня благодарностей. Мы с друзьями всегда вовремя приезжаем по вызовам, задерживаем драчунов, пьяниц и наркоманов. – Норманн жалостливо шмырнул носом. – В тот вечер у нашего товарища родился ребенок, мы скинулись по сто рублей и хотели его поздравить сразу после дежурства. – Следователь и прокурор поленились полностью оформить дело: с кем пришел обвиняемый, суду было неизвестно. – Мы только подошли, как из дверей ресторана вышел пьяный дядька в окружении своих телохранителей. – Норманн указал рукой на сидящих амбалов. Стопроцентная правда, в заключении судмедэксперта указано сильное опьянение погибшего. – Этот дядька упал на меня, затем обозвал быдлом, которому

не место среди порядочных людей, и попытался ударить. Я всего-то его легошенько оттолкнул, а он возьми да упади да ударься своей пьяной головой о позолоченную урну. – Норманн еще раз с натуральным сожалением шмыгнул носом. – Какое там могло быть нападение? У того дядьки четверо телохранителей. – Снова кивок в сторону свидетелей защиты. – Они бы меня к нему не допустили. А я сразу в милицию, где написал явку с повинной. Я нечаянно, не хотел ничего плохого.

Прокурор метал гром и молнии, судья с интересом смотрел на адвоката, а присяжные заявили: «Не виновен». Какими тайными тропами кружит правосудие, Норманн не знал, только получил он четыре года условно с обязательным привлечением к труду. Не успел вернуться домой, как тут же приехали друзья и повезли в ресторан отмечать справедливое решение суда. Во время шумного застолья с поздравлениями и пожеланиями предложили продолжить тренировки и выступления. Но нет, второй раз в Кресты совсем не хотелось, он отказался. Юлю как будто подменили, жена устроила скандал, собрала вещи и ушла. Громко хлопнула дверью и навсегда пропала, оставив ему годовалую дочь. Он писал заявления в милицию с просьбой найти исчезнувшую супругу – бесполезно, никакого ответа. Помогли на заводе, он не знает, кто и как, но начальник цеха дал ее адрес и телефон. При этом предупредил, что лучше не ходить и не звонить. Не удержался, позвонил. Выслушав откровенные оскорбления, взял на работе отгулы и отвез годовалую дочь к родителям жены. А что прикажете делать? Не отдавать же дитя в дом ребенка при здравствующих родителях!

Одновременно с уходом Юли комендант общежития потребовал освободить помещение в двадцать четыре часа. Норманн в панике побежал на завод просить угол для проживания, и здесь ему помогли добрые люди. Заводской юрист посоветовал показать коменданту фигу и без промедлений приватизировать комнату. Общежитие принадлежит городу, выселить Руслана Артуровича Нормашова с малолетним ребенком никто не имеет права. Юноша послушался совета и дальше жил спокойно, повторных наездов не случилось. Оказавшись в холостяках, неожиданно заметил, что перед зарплатой в кармане остаются свободные деньги. Регулярные переводы родителям жены не истощали его бюджет, финансовый излишек все равно оставался. Нонсенс, он получал примерно столько же, расходы на себя не изменились, но появилось свободное время и свободные деньги. Вместе с соседями по общежитию или друзьями по литейному цеху начал регулярно ходить в кино. По настроению не отказывал себе в удовольствии посмотреть спектакль или побродить по музеям. Как-то во время прогулки по Невскому зацепился языком с торговцами картинами. Поговорил, разобрался в положении вещей и решил попробовать свои силы. Нет, он не профессионал, но и выставленные на продажу картины не претендуют на место в Русском музее.

Норманн родился в обычной деревне. В школе одни хорошо учились, другие хорошо дрались, он хорошо рисовал. В итоге сельсовет направил мальчика в город Кириллов, где подросток продолжил обучение в Областном колледже культуры. Нельзя сказать, что он увлекался рисованием, в какой-то степени ему больше нравилась лепка. К повороту судьбы отнесся с пониманием – учиться все равно надо, а где – какая разница. Основным фактором являлась еда и одежда. У бабушки он не голодал, но достатка в доме не могло быть по определению. Он учился рисовать и лепить, осваивал азы народных промыслов, чеканки и даже работе с коклюшками. На их курсе было только трое мальчишек, и все сироты, что их сблизило и сделало друзьями. Саша оказался умельцем по чеканке тонкого, практически ювелирного узора. Андрей хорошо рисовал, предпочитая живопись и морскую тематику, – дай ему лист бумаги и шариковую ручку, через пару часов получишь красивый парусник с шикарными красавицами. Достаточно быстро друзья скооперировались и начали приторговывать своим творчеством. Получалось неплохо. Руслан вполне себя обеспечивал – денег хватало и на свои запросы,

и отправить бабушке. После окончания училища вместе с другими новобранцами сел в автобус военкомата.

Его направили на флот, вернее, в морской отряд погранвойск. Служил в Мурманской области, база располагалась на самой границе с Норвегией. Собственно, сама служба продолжалась менее полугода. На день рождения командира корабля он вылепил из глины бюст старшего лейтенанта. Экипаж под аплодисменты вручил подарок, а Руслан на следующий день оказался в гарнизонном клубе. Когда-то это был большой гарнизон с просторным Домом офицеров и двумя клубами. Один клуб для солдат-пограничников, другой для матросов-пограничников. Сейчас большинство пятиэтажных домов и казарм зияли выбитыми рамами. Здесь осталась рота сухопутных пограничников и три маленьких кораблика. Клубы для солдат и матросов закрыли, имущество свалили в Доме офицеров.

На новом месте Норманн освоился достаточно быстро. Определенных обязанностей у него не было, так, мелочь – написать плакат да нарисовать простенький боевой листок. Вскоре нашел себе уютную комнату с раздолбанным роялем, широкой двуспальной кроватью и кожаным диваном. Вот и новое место для проживания! Перенес из казармы свои вещи и принялся хозяйничать на правах начальника клуба. Скука невообразимая. Офицеры не выходят из своих домов. Солдаты и матросы «несут службу». Телевизор неизвестной модели показывал только норвежские передачи, которые оказались лидером по извращенческим программам. На экране с утра до вечера о чем-то непрерывно лопотали, прерываясь на репортажи о рыбе и о том, как плохо в России. Иногда вспоминали о былом величии викингов, которые открыли все континенты земного шара. От подобных телепередач можно одуреть.

От нечего делать занялся ревизией своего «хозяйства». В запущенной библиотеке гнездились мыши да валялись старые книги. В основном мемуары времен Второй мировой войны да различные учебники. Раскладывая все это по полкам, наткнулся на стеллажи, где стояли книги с грифом «Секретно» или «Для служебного пользования». Среди старых военных справочников нашлись пособия для военных училищ. В общем-то тоже муть, но некоторые можно читать. Руслану понравились описания различных исторических сражений с пояснениями удачных действий или ошибок древних полководцев. Там разбирались промахи Ганнибала или Наполеона, достаточно интересно анализировались войны Персии и Египта. Пояснялись тактические приемы и методы ведения боя. Рассказывалось об оружии и доспехах, почему делалось так, а не иначе. Что послужило причиной модификации или изменения оружия.

Среди разбросанного хлама на глаза попался самоучитель игры на пианино. Времени в избытке, под настроение начал мучить старый рояль. В одной из комнат третьего этажа обнаружился заброшенный клуб моделлистов. На полках в паутине и мышьином помете стояли различные модели, от маленького ялика до авианосца. Норманну стало жалко гибнущую красоту, на которую много лет назад люди потратили свое время и энергию. Сначала взялся за восстановление большого парусника. Постепенно обновленные модели перекочевали в фойе Гарнизонного дома офицеров. Так шаг за шагом исследовал запущенные помещения. Неожиданно наткнулся на мастерскую художника. Разгреб хлам, выкинул мусор, масляные краски нашлись в избытке, и он начал писать картины. Пейзажи и портреты выходили по-разному, одни получались удачно, другие просились на помойку. Но в любом случае жить стало интереснее. За первым самоучителем последовали другие, он уверенно брел на балалайке, затем на гитаре.

В бывшей библиотеке порой попадались очень забавные книжицы. Например самоучитель по борьбе самбо или самоучитель по боксу. Для начала взял брошюрку по атлетической гимнастике и навел порядок в спортивном зале. Возможно, в таком режиме он и дошел бы до «дембеля». Все изменилось после восстановления радиоузла, где вся аппаратура оказалась в рабочем состоянии. Добравшись до комнаты с радиооборудованием, Норманн сначала включил трансляцию радиопередач по казармам и столовым. Затем взялся передавать сводку погоды, которую брал у дежурного гарнизонной метеостанции. К нему начали при-

ходить ребята с просьбой «покрутить» через радиоузел музыку. «Клуб любителей музыки» придумал коммутацию новых носителей со старой радиосистемой. Затем пришли увлеченные спортом, и неожиданно наступил «дембель».

Следуя советам посредников, Норманн написал несколько копий с работ Шишкина. Его картины пошли в продажу, одновременно появились новые друзья. Однажды принес несколько копий настольных скульптурных композиций. Это оказалось золотой жилой, на скульптуры был очень высокий спрос. Договориться с заводским начальством не составило труда, зарегистрировал ЧП и приступил к мелкосерийному литью по различным ходовым темам – от амурчиков до лошадок. Здесь не надо напрягать собственную фантазию. Достаточно пройти по музеям и загородным дворцам или посмотреть каталог. Настольные скульптуры отливал из меди, бронзы или латуни, чернил под старину и отдавал на реализацию. По желанию заказчика делал особое литье из чугуна, нержавеющей стали, серебра и даже золота. С помощью заводской лаборатории придумал собственное ноу-хау – литье из цветного железа.

Новое увлечение привело к новым друзьям и интересам. Он отрастил длинные, до плеч волосы, сменил стиль одежды, на шею повесил широкую серебряную цепь с амурчиком в качестве брелока. Теперь в подворотне от него уже не шарахались встречные люди и собаки. Норманн пристрастился к регулярным вечерним посиделкам, которые проходили в самых невероятных местах, от сталинских бомбоубежищ до хрущевских кухонек. Собиралась разношерстная публика: писатели и поэты, художники и скульпторы, коллекционеры и любители истории. Попадались даже всякие эльфы, викинги и повелительницы драконов. Главное – было весело и интересно, пели авторские песни, рисовали шаржи, создавали живые композиции. Летом выезжали на какие-то дачи, где веселье всегда заканчивалось сногшибательным фейерверком.

Так Норманн познакомился с одним антикваром. Первое время от нового знакомого получал простенькие заказы на советские и фашистские ордена. Так, мелочь, не караемая законом откровенная подделка. Со временем заказы усложнились, пошли женские украшения под старину. Делал по каталогу или образцу русские женские гривны, браслеты и прочие бирюльки, иногда золотые, но чаще из серебра. В этот же период своей жизни познакомился с французской студенткой, которая приехала учиться в Петербург по обмену. Вскоре Люси переехала к нему в комнату, где любила сидеть на кровати в неглиже и грызть хитрые науки кораблестроительного университета. Когда наступило время уезжать домой, девушка долго рыдала, называя его «Mon Chevalier»¹, затем взяла со стола две серебряные гривны и выдернула из своих кроссовок сверкающие золотом шнурки. Одна гривна оказалась на шее Норманна, вторую Люси повесила себе, на память о русском возлюбленном. Он не возражал, матрица сохранилась, делает другие. Сделать то он сделал, да это оказалось последним заказом. Антиквара неожиданно застрелили прямо в лифте собственного дома.

Повода огорчаться у Норманна не было. К этому времени появился новый почитатель и богатый благодетель. Серьезный дядя имел на берегу Невы настоящий дворец. В качестве хобби огромная яхта и страсть к тощим красавицам. Норманна представили как талантливого скульптора, а первый выполненный заказ привел Дениса Юрьевича в настоящий восторг. Дело быстро раскрутилось. Яхта, прогулка по Балтике, новая модель, ножка влево, подбородок вверх, полуметровая бронзовая статуэтка готова. И так каждый месяц. Порой они в своих путешествиях добирались до Лондона или Брюсселя. Дальние плавания требовали непрерывной вахты, и Денис Юрьевич помог сдать экзамен на яхтенного капитана.

Финансовое благополучие резко рвануло вверх. Норманн решил не разбрасываться деньгами, не побежал за новой машиной. Он составил перспективный план дальнейшей жизни. На

---

¹ Мой рыцарь (фр.).

первое место поставил квартиру, затем организация быта. Смену старенькой «Нивы» запланировал перед женитьбой. В то же время Норманн не забывал о заработке на Конюшенной. Опыт подделок для антиквара позволил наладить изготовление сувениров под известные украшения из Зимнего или Русского. Вместо серебра хорошо подходил медно-никелевый сплав, а драгоценные камни заменяли яркие стекляшки. Здесь помог поставщик стеклянных безделушек, которого торговцы фамильярно называли Егорычем. Как-то у Норманна осталось немного золота, заказчик подарил как премию. Он отлил себе кольцо в ухо, а когда в очередной раз пришел на Конюшенную площадь, то стеклодув его высмеял.

– Ты с этим кольцом в правом ухе выглядишь как беглый раб с турецкой галеры!

– Не думаю, что галерные гребцы носили золотые серьги, – фыркнул Норманн.

– Да не обижайся, парень! Я хоть и старше тебя в три раза, да знаю про пирсинг, у самого внуки выглядят как после перфоратора.

– Так чего пристал с глупыми шутками? – буркнул юноша.

– Затем и пристал, что помочь хочу. Мы к нижним колечкам красивое стеклышко прилепим, от настоящего сапфира не отличить.

– Ну да! Буду как девка сверкать.

– Зачем? Мы сделаем темно-синий молот – и под цвет твоих волос, и мужика сразу видно.

Столкнувшись с необходимостью научиться делать цветное стекло, он снова обратился к Егорычу. Пенсионер охотно помог, нехитрую науку просветлять и окрашивать стекло Норманн освоил за четыре дня. Продавцы охотно брали на реализацию такие сувениры, перед продажей обязательно подкладывали под них вырезку из каталога. Туристы покупали, да еще как! Как-то раз случайно получил заказ на изготовление копии чашки из антикварного фарфорового сервиза. Работа оказалась несложной – вручную смешать и обработать глину, разрисовать и «состарить». Пустячная работа подкинула идею, каолина в Карелии пруд пруди, а старые технологии хороши примитивностью своих «секретов». Заоблачные цены на столовые раритеты не лишили разума, он не жадничал, его сервизы всегда были неполными и с дефектами типа битых краев и так далее. Настал день, когда Норманн с помощью Дениса Юрьевича выбрал себе квартиру и сразу внес все деньги. Самый главный пункт его жизненного плана выполнен.

Поворот на дорогу в поселок оказался перекрыт траншеей – прокладывали какой-то кабель или трубу. Рядом никаких знаков или указателей. Норманн немного потоптался и поехал дальше. Объезд должен быть, да и машин на дороге немало, если что, «проголосует» и спросит. Где-то через пять километров увидел разбитый колесами съезд. Повернул на лесную просеку и вскоре пересек небрежно засыпанную траншею. В этих краях быстрее встретишь живого мамонта, чем трезвого рабочего. Через два километра следы колес начали расходиться в разные стороны. Без долгих раздумий свернул на ближайшую просеку, которая тянулась в нужном направлении. Если впереди окажется непролазная грязь, можно развернуться обратно. На всякий случай запомнил показания спидометра, поможет определиться, если промахнулся с поворотом. Дороги прямые только на карте, по жизни все далеко не так.

Низкие облака посыпали моросющим дождем, лесная дорога окуталась серым, туманным мраком. Колея неожиданно исчезла, машина покатила по открытой лужайке. Норманн не сразу обратил внимание на несуразное изменение. Опомнившись, затормозил и развернулся. Медленно поехал обратно, но следы колес резко оборвались, впереди просматривалось мрачное пятно. Он вернулся к месту разворота, вот он столбик, которым лесники размечают свои участки. Утро вечера мудренее, незачем блукать среди ночи в незнакомом месте. Разложил сиденья, достал подушку и плед – спать, с дорогой разберется утром.

Глава 2

Дверь в одну сторону

Проснулся и сразу посмотрел на часы: шесть утра. Спал хорошо, но затекли руки-ноги. Салон «Нивы» не приспособлен для ночного отдыха. Вышел размяться и увидел сидящую в десяти метрах женщину. Незнакомка встала, и Норманн увидел, что она сидела на двух объемистых мешках.

- Ночью заблудился? – спросила женщина.
- Дорогу траншеей перекопали, поехал в объезд да сбился с пути, – пояснил Норманн.
- Откуда приехал?
- Из Петербурга.
- Подожди немного, я быстро вернусь.

С этими словами незнакомка перекинула через плечо свои мешки и быстрым шагом пошла по следам «Нивы». Или показалось, или это было на самом деле, но там, куда шла эта женщина, клубилось туманное марево. Норманн достал термос с кофе и пакет с бутербродами. Продолжая смотреть на женщину, приступил к завтраку. Войдя в марево, она заметалась или начала что-то искать. Было недалеко, но клубящийся туман не позволял хорошо рассмотреть ее действия. Воздух дрожал и струился как над разогретым солнцем асфальтом, создавая эффект завесы, который искажал ее движения.

Через несколько минут женщина повернула обратно. Ее мешки значительно похудели, но прибавили в весе. Норманн равнодушно отметил этот факт – не его дело, мало ли чем могут заниматься люди.

- Кофе? Бутерброды? Я уже позавтракал.

Он удивился ее усталому виду, одежда покрыта слоем пыли, как после долгой дороги пешком. Несколько минут назад ничего подобного не было.

- Спасибо, не откажусь, – устало ответила женщина.

Она с удовольствием выпила чашку кофе и буквально проглотила предложенные бутерброды. Норманн еще раз посмотрел на незнакомку: обычная женщина в обычной одежде, на вид не более сорока лет.

– Поехали, что ли, меня Ниной Михайловной зовут. Я врач-терапевт. – Она пошла к правой двери.

- Поехали. До дороги далеко?
- Очень далеко, ты совсем не туда приехал. Как вас зовут, молодой человек?
- Норманн.
- Я покажу дорогу до своего дома, дальше сам ищи свой путь, – несколько двусмысленно ответила Нина Михайловна.

Быстро пересекли лесную поляну, затем поехали осторожней. Среди окружающего леса не просматривалось даже намек на тропинку, однако женщина уверенно показывала направление. «Нива», подпрыгивая на корнях, петляла между деревьями, пересекала земляничные полянки, приминая кусты черники, лавировала под вековыми соснами.

Автородео продолжалось более часа, наконец между деревьями показались дома. Машина выехала на маленькую площадку. Четыре дома с обычным набором хозяйственных пристроек. В стороне сквозь деревья просматривался еще один дом. Сразу возникла ассоциация с лесничеством или охотничьим хозяйством. Их уже поджидала небольшая группа людей, по всей видимости, вышли на звук автомобильного мотора. На напряженных лицах читался немой вопрос, но не к гостю. Встречающие подхватили мешки Нины Михайловны и направились в один из домов. На Норманна никто даже не оглянулся. Он пожал плечами и пошел

следом за хозяевами. Просторная комната, посередине большой стол, у стены лавка, несколько стульев и табуреток, над столом подвешена керосиновая лампа.

– Зимой не холодно? – поинтересовался Норманн, указывая на небольшой выступ печи.

– Почему должно быть холодно? – с сильным акцентом спросил черноволосый мужчина.

– Комната большая, а печь выходит маленьким углом.

– Мы в лесу живем, дров хватает. Дома с маленькими комнатами строят только в степных краях, где нечем топить, – поучительно ответил черноволосый.

– Простите, я не представился. Меня зовут Руслан, а кличут Норманном.

– Жанна Владимировна, врач, – со знакомым акцентом ответила хрупкая блондинка.

– Елизавета Карловна, хирург-травматолог. – Еще одна блондинка и тоже с акцентом.

– Серафим, охотник. – Рослый рыжебородый мужик.

– Иосиф, охотник. – Еще один рыжебородый, впрочем, в комнате оба сняли непонятные колпаки и оказались светловолосыми.

– Крис, бездельник. – Юркий мужичонка обжег Норманна неприятным ледяным взглядом.

– Можно просто Максим, хирург. – Последним ответил смуглый черноволосый мужчина.

– Софья Андреевна, геодезист.

В комнату вошла Нина Михайловна, подошла к лавке и принялась выкладывать на стол содержимое своих мешков. Первым делом насыпала гору всевозможных лекарств. Сидящие за столом оживились. Затем последовали бытовые мелочи, за ними медицинские инструменты, вата, бинты и прочая медицинская хренотень. В завершение на стол легли золотые и серебряные монеты. Норманн с трудом закрыл рот – в его понимании женщина принесла в дом кучу ненужной хрени, в том числе и монеты. Кому они сегодня нужны? Красивые можно купить в любой сберкассе, «древние» умелец-«нумизмат» за день ведро наклепает, только найди покупателя.

Неожиданно Норманн заметил, что его внимательно разглядывают – восемь пар глаз оценивающе смотрели на юношу. Сначала он смутился, потом разозлился. Сдержался от грубости только по причине разницы в возрасте. Самой молодой была Нина Михайловна, охотнику Серафиму можно было дать шестьдесят.

– Сколько тебе лет? – спросил Крис.

– Двадцать шесть, родился в марте восемьдесят пятого.

– Следовательно, ты из две тысячи одиннадцатого года. У нас на дворе тысяча триста тридцать четвертый год от Рождества Христова.

– Ты прошел через портал времени, – добавила Софья Андреевна. – На дом сумасшедших или скит сектантов не похоже, но разум отказывался воспринимать слова. – Мы все тебя хорошо понимаем, из местных только Серафим и Иосиф, – продолжила Софья Андреевна.

– Почему вы не вернулись назад? Портал до сих пор стоит, погуляли по старине и домой, – пытаясь поверить услышанным словам, выдал из себя Норманн.

– Во-первых, здесь не очень-то и погуляешь. Во-вторых, портал открыт только неделю с интервалом в тридцать лунных месяцев, – ответил Крис.

– Все равно не понимаю. Судя по вашему быту, вы здесь уже давно, – с нажимом на последнее слово сказал Норманн.

– Верно заметил, давно, – не стал отрицать Крис. – Только портал стабилен с этой стороны, с другой он непрерывно меняется во времени и пространстве.

– Я десять лет пыталась определить закономерность работы портала. Бесполезно, никакой системы, – добавила Елизавета Карловна.

– Но вы через портал проходите, – возразил юноша. – Вон на столе свидетельства сегоднешнего похода.

– Проходим, но на другой стороне ты можешь оказаться в тайге или в джунглях, над океаном или полярными льдами, – сказала Софья Андреевна.

– Не так уж плотно заселена Земля, добавь хаотичное смещение во времени. – Это уже Максим.

– Но вы же как-то ориентируетесь? – Норманн просто физически не мог поверить ни единому слову.

– Ориентируемся, – не стала отрицать Софья Андреевна. – Вон Максим из Египта, профессор. Елизавета Карловна из Европы две тысячи двести семьдесят второго года.

– Тем более! Чем старше цивилизация, тем легче жизнь. – У Норманна росла уверенность, что его втягивают в какую-то авантюру.

Хозяева заулыбались, у них было противоположное мнение.

– Мы тебя ни к чему не принуждаем, только объясняем куда ты попал, – сухо заметила Жанна Владимировна.

– Ты здесь не первый и не последний «потерянец», – продолжил неприятный мужичонка. – Никто здесь не задерживается, практически все уходят в никуда.

– Не понял? Куда они уходят? – растерялся Норманн.

– Обратно в портал. Мы всем объясняем систему, по которой проходим портал, – терпеливо продолжила Жанна Владимировна. – Дальше каждый сам делает свой выбор.

– И в чем заключается ваша система? – с надеждой спросил Норманн.

– Сначала необходимо убедиться, что с другой стороны не океан или горный обрыв, – начал объяснять Поль. – Затем выходишь и засекаешь время, с той стороны портал стабилен шесть дней. Если ничего не нашел, начинаешь все сначала.

– Как можно все начать сначала, если портал неделю стабилен с обеих сторон? – Молодой человек заметил явный обман.

– Одна из самых важных непоняток заключается в том, что с нашей стороны время в портале стоит, – равнодушно пояснила Жанна Владимировна.

– Часы нормально тикают. – Крис продолжил свое пояснение. – Ты можешь находиться в портале очень долго, а со стороны кажется, что вошел и сразу вышел.

– Тем более! – воспрянул духом Норманн. – Можно сделать множество попыток, пока не попадешь в нужное место и в нужное время.

– Был до тебя один ученый грибник, – ехидно сказала Жанна Владимировна. – Пять лет варианты рассчитывал. Потом надоело, ушел в портал с закрытыми глазами.

– Поверь, – сказал Крис, – все пытаются вернуться домой, но до сих пор никому не удалось.

– Откуда вам это известно, если вы здесь сиднем сидите? – Руслан уловил алогизм утверждений.

– Самое худшее время после тысячи девятисотого года. Быстро отлавливают, – заметила Жанна Владимировна.

– Я ушла в никуда и смогла вернуться, симулировав потерю памяти, – ответила Елизавета Карловна.

– Расскажите, – попросил Норманн.

– Я родом из Австрии. Уже проживая здесь, случайно вышла в Австрию тысяча девятьсот восемьдесят шестого года... – начала рассказ женщина.

– Чудесно, вам повезло! Почему вы вернулись обратно? – воскликнул юноша.

– В клетку посадили и начали изучать как мышь, вот почему. Как поняла свою судьбу, заявила, что русская.

– Сразу выпустили?

– Привезли в Советский Союз и посадили в тюрьму за нелегальный переход границы, – вздохнула женщина.

– Как вам удалось пройти портал обратно? – смутился Руслан.

– После тюрьмы приехала в этот район да поговорила с людьми, они и указали «гиблые» места, где люди иногда пропадают. Так и вернулась.

– Почему бы отсюда не поискать обратный выход? – спросил Норманн. – Вы легко нашли вход, значит, есть и выход.

– Потому что его нет. Ты вошел через дверь, у которой нет выхода, – не скрывая раздражения, ответил Крис. – Если вернешься, начнут изучать как амебу или расстреляют как шпиона.

– Странно все это, – задумчиво произнес Норманн. – Почему бы не уйти в другое время?

– Портал закроется до захода солнца. Иди прямо сейчас, ищи это другое время, мы свое нашли! – Крис почти прокричал последние слова.

– Почему вы сразу не вернулись? – Молодой человек никак не мог понять логику сидящих перед ним людей.

– Куда? – устало спросила Жанна Владимировна. – Впрочем, иди, мы тебя не держим. Но учти, после открытия и перед закрытием портал неустойчив.

– Что означает «неустойчив»?

– Никто не знает. Все наши пропали.

– Вы сказали «наши», вас здесь много? – насторожился Норманн.

– Нет, только те, кого видишь. Иногда количество людей возрастает, затем уменьшается.

– Почему?

– В большинстве случаев не возвращаются из порталов, некоторые уходят в «большой мир».

– А вы? Почему не уйдете в город?

– В любом месте есть свой хозяин. Здесь хозяева мы, – ответил Крис.

– Живете за счет портала. – Норманн кивнул на горку медикаментов. – Кстати, зачем столько много?

– В портал ходим ради лекарств, а врачевание нынче в большом дефиците, – ответила Софья Андреевна.

– Живем за счет медицины, за свои услуги берем очень дорого, – добавил Максим.

Руслан задумался. Совершенно непонятная ситуация: хочешь – верь, не хочешь – не верь. Самое поганое, что настоятельно рекомендуют не лезть в портал. Так и хочется прыгнуть в машину и рвануть обратно по своим следам.

Тем временем Крис сходил в соседнюю комнату, откуда принес холщовую торбу, развязал кожаную завязку и поставил перед Норманном килограммовую пачку соли и пять кусков мыла.

– Это твоя доля на год. Можешь делать все что хочешь. Если останешься здесь, за деревьями дом с кузницей, он твой.

– Настоятельно не рекомендуем спасать или завоевывать мир, – добавила Софья Андреевна. – Все завоеватели не прожили и года.

– Воевать мне не хочется, – отмахнулся Норманн.

– Ты кем работал? – спросил Крис.

– Простым рабочим.

– Что умеешь делать? – продолжил расспросы черноволосый.

– Могу рисовать и лепить фигурки.

– Это хорошо, – засмеялась Жанна Владимировна. – Будешь сидеть тихо, доживешь до следующего портала.

– К чему ваш черный юмор? – насторожился Норманн.

– Пять лет назад через портал въехал грузовик с английскими солдатами, да еще с пушкой на прицепе. Трех месяцев не прожили, – усмехнулся Крис.

– Что с ними случилось?

– Убили.

– Странно, – не поверил Норманн. – Солдаты с пушкой, а их убили.

– Ничего странного, – оскалился Крис. – Никто не сможет прожить три месяца без сна и еды. Не они первые и не они последние.

– Часто приходят люди?

– Большинство покружатся и сразу уходят обратно, мы видим только их следы. Но гости остаются каждый раз, – ответила Елизавета Карловна.

– Из какого времени?

– Можешь гордиться, от конца двадцатого века до начала двадцать третьего. Люди потеряли страх, забыли об элементарной осторожности.

– Но Елизавета Карловна из более позднего времени, – возразил Норманн.

– В нашем времени слишком строго, почти тюремная дисциплина, – ответила женщина.

– Местная власть или бандиты не пытались вас обобрать?

– Пытались, но Крис с пулеметом не отличается гостеприимством, – улыбнулась Жанна Владимировна.

– Как к вам относятся местные?

– Боятся, – усмехнулся Максим. – Знают, где находится портал, и считают место проклятым, а нас ведьмаками и ведьмами.

– До ближайшей деревни двадцать километров. Люди к нам ходят, но не местные.

– Почему не местные? – удивился Норманн.

– Сказано же, берем дорого, – недовольно ответила Елизавета Карловна. – Больных привозят, когда уже другой надежды нет.

– Почему сами к больным не ездите?

– Был у нас сердобольный врач, да быстро доездили – голову отрубили, – усмехнулся Крис.

– Я не понял насчет местных, – переспросил Норманн. – Как они к вам относятся? Не досаждают?

– Нет, мы им помогаем. Даже зауважали после того, как Нина Михайловна семена ржи привезла. – Максим посмотрел юноше в глаза и продолжил: – Ты к ним не суйся, не примут. Мы чужие для всех.

– Кстати, а где мы в географическом плане?

– Восточнее Онеги, здесь недалеко тропочка к речке Черная, десять километров – и озеро, – пояснил Максим.

– Сколько километров до Вологды?

Услышав вопрос, старожилы портала дружно заулыбались.

– В километрах не скажем, – ответил Крис. – А так пять дней пути. Решил в Вологду уйти? Имей в виду, сейчас к безродным чужакам относятся очень настороженно.

– Я родом из Вологодской области. У нас раньше соль добывали. На этом деле Строганов из простых крестьян выбился в большие люди.

– Даже не пытайся подойти к соляным промыслам, – предупредила Елизавета Карловна.

– Почему? – удивился Норманн. – Попробую, мне два с половиной года ждать, сами сказали.

– Устраивайся в пустующем доме, осваивайся и сиди смирно. Если куда уйдешь, местные сразу посадят на цепь ту же соль ведром черпать, – строго добавила женщина. – И на охоту с ружьем не ходи.

– Чего в этом плохого?

– Лес только кажется безлюдным. Если тебя увидят с ружьем, все – конец. Не успокоятся, пока не прикончат, – с угрозой произнес доселе молчавший Иосиф.

– И как же меня прикончат? – с вызовом спросил Норманн.

– Ты хоть имеешь примерное понятие об охотниках нашего времени? – На этот раз в разговор вступил Серафим.

– Ну, лук, стрелы, копья, рогатины, всякие там силки, – не совсем уверенно ответил юноша.

– Как выглядит рогатина?

– Не видел, должно быть, палка с раздвоенным концом.

– Вообще-то так называют короткую пику с широким и длинным наконечником. Что-то вроде меча на палке.

– Вот уж не ожидал!

– А это что? – По столу покатился отшлифованный до блеска каменный шар.

Норманн взял его в руку, килограмма два, не меньше. Но что это такое, не имел ни малейшего понятия.

– Не знаю, какой-то шлифованный булыжник.

– Я никогда не ходил через ваш портал, – презрительно сказал Серафим, – но все сюда входящие к нашей жизни совсем не пригодны.

– Это метательный камень для пращи, – объяснил Иосиф. – Любой малец за сто метров попадет лосю в голову.

– А это тебе знакомо? – Серафим бросил на стол нечто похожее на кнут.

Норманн взял в руки короткое и толстое кнутаовище, далее шел плетенный из кожаных шнурков метровый кнут, а на конце через просверленную дырку привязан полукилограммовый камень.

– Похоже на бич, – пожал плечами юноша.

– Вот, вот! – фыркнул Серафим. – Бич! Это кистень, с которым здесь ходит и стар и млад, включая женщин.

– Кистень? – поразился Норманн. – Так его разбойники носят в рукаве и метают в честных людей.

– На! – Иосиф протянул двухкилограммовый каменный шар. – Метни в меня без замаха! Ты мне даже кожу на лице не рассечешь!

Парень растерялся: и правда нечего возразить. Другое дело въехать по черепушке грузиком на конце метрового хлыста, да еще с хорошим замахом да с оттяжкой. С таким оружием на лесной тропинке и волк не страшен.

– В умелых руках кистенем медведю глаза выбивают, – с улыбкой сказал Иосиф, он был явно доволен произведенным эффектом.

– А как же разбойники? – проблеял Норманн.

– И разбойники кистенем ловко орудуют, – нравоучительно сказал Серафим. – Он замахнулся, ты выставил руку. Ремешок вокруг твоей руки обвился, рывок на себя – и нож в бок.

– Только так редко поступают, – добавил Иосиф. – Так же захватывают вторую руку, вяжут да продают иноверцам.

– Так что сиди и не высовывайся, тебе не помогут ни пулемет, ни пушка – все одно быть рабом, – заключил Серафим.

– Погодите, а как вы охотитесь на кабанов? Их же здесь много, а такие камешки, – Норманн кивнул на блестящий шар, – кабана не остановят.

Тут уже засмеялись оба охотника.

– Пошли покажем ловчую сеть, кабана забить – самая простая охота.

Только сейчас Норманн заметил, что остальные обитатели таинственного хутора уже разошлись. Вышел и он следом за охотниками. На стене дома висела толстая грузовая сеть примерно метра три на три.

– Смотри! – Серафим расстелил на траве сеть. – У кабана ноги короткие, он копытца по земле волочет. Брось ее на тропе, зверь до середины не дойдет, упадет и запутается.

Норманн вынужден был согласиться, действительно просто и надежно. Велик труд подойти и вогнать в грудь длинный нож, а мяса одному человеку на полгода хватит. Охотники принялись развешивать ловчую сеть на стене дома, а у Руслана в голове вертелась непонятка. Что-то его зацепило, в глаза явно бросалась откровенная несуразица. Но что? Как-то одна из девушек сделала ему едкое замечание: «У тебя в голове не может быть мыслей, потому что там нет мозгов».

– А татары сюда не заходят? – поинтересовался Норманн у охотников.

– Что им здесь делать? – Оба откровенно удивились глупому вопросу. – У них дружба с Москвой да Рязанью.

– Скажете, дружба, грабят они Москву, – не согласился юноша.

– Бывает и грабят, да и московские на их землях шалят, – пожал плечами Серафим. – Вон Иосиф с ушкуйниками не раз в набег ходил.

– А кто такие ушкуйники?

– Те же возчики, только у тех сани да возы, а ушкуйники на своих лодках, что ушкуями зовут, – ответил Иосиф.

– Ты, парень, выбрось дурь из головы, – строго заметил Серафим. – Если пойдешь в вольные корабелы, тебя сразу убьют.

– Почему это убьют, да еще сразу. Я тоже кое-что умею, – возразил Норманн.

– Умеешь, да только для своей прошлой жизни. Впрочем, спустись к реке и посмотри на ушкуй. Сумеешь такой сделать, набирай корабельную рать да иди в ушкуйники.

– И в чем разница?

– Вот и ответ твоему неумению, – рассудительно заметил Серафим. – Хозяин ушкуя топором в сече не машет. Ратников привез-увез да самую большую долю взял.

Норманн наконец сформулировал откровенную нелепицу в поведении этих людей и заспешил в дом. За столом сидели Елизавета Карловна и Жанна Владимировна. Женщины о чем-то разговаривали и недовольно посмотрели на вошедшего парня.

– Чего тебе еще не хватает? – спросила хозяйка дома.

– Почему здесь все говорят на современном для меня русском языке? – задиристо спросил Норманн.

– На каком языке прикажете говорить? – ехидно парировала Жанна Владимировна. – Можем побеседовать на других языках.

– Ты говоришь на французском или немецком? – добавила Елизавета Карловна.

– Русские здесь толпами ходят туда-сюда, так? – столь же ехидно парировал Норманн. – Из всех хуторян тут только одна русская.

– Хорошо, – примирительно ответила Елизавета Карловна. – У нас есть важная причина поставить твой родной язык на первое место.

Женщина встала, зашла юноше за спину, раздался тихий щелчок и послышался радостный диалог привычной рекламы, когда скучающим бабушкам втолковывают необходимость немедленно купить чудо-средство, одинаково помогающее от поноса, радикулита и близорукости.

– Розыгрыш, да? – улыбнулся Норманн. – Хорош четырнадцатый век!

– Нет, не розыгрыш, а объяснение. На всех диапазонах одна станция, которая произвольно блуждает с тысяча девятьсот пятидесятого года до две тысячи двести пятидесятого года.

– Шутите? Откуда электричество? Радио без электричества не работает!

– Сходи к portalу, там, среди деревьев, найдешь не один большой грузовик.

– Что-то я не слышу звуков дизель-генератора, – съязвил Норманн.

– Глупо, молодой человек, – недовольно поджала губы Елизавета Карловна. – Генератор автомобиля и ветряное колесо вот и вся наша электростанция.

– Я не понимаю смысла в пустяшном прослушивании музыки или ненужных новостей.

– Включите радио в своей «Ниве», через день поймете.

– А сразу ответить? – взорвался Норманн. – Зачем мне ваши загадки!

– Если настаиваете, – примирительно ответила Елизавета Карловна. – Новости все время меняются.

– Как это меняются? – не понял парень.

– А вот так! После первой половины четырнадцатого века получается плавающая история. И основные события скачут.

– Как это скачут?

– Я не знаток вашей истории, у нас османы то берут Вену, то не берут. Бывает, что доходят до Лондона. Поэтому постоянно слушаем это ваше русское радио.

– В России хватает накладок, – добавила Жанна Владимировна. – У вас столица то в Петербурге, то в Нижнем Новгороде. Один раз была даже в Варшаве.

– Вот что, – решительно сказала Елизавета Карловна, – идите к реке. Там, рядом с ушком, остановились итальянцы со слугами, общение с ними вам поможет многое понять.

– Они живут у реки? – уточнил Норманн.

– Они прошли портал за сутки до вас, нам не поверили и отправились своей дорогой. Флаг в руки, – равнодушно закончила Елизавета Карловна.

Руслан вышел из дома, неуверенно потоптался и направился к своему новому жилищу. Он не поверил всему услышанному, впрочем, многое очень просто проверить. Достаточно сходить в ближайшую деревню. В поступках, словах и быте этих людей не просматривалось логики, оставалась какая-то двойственность. Если пулемет и прочее оружие могли занести через портал солдаты, то оконные стекла не могли попасть случайно. Во время разговора он увидел достаточно много нормальных бытовых вещей. Предметы из последней ходки Нины Михайловны говорили о посещении рядовой аптеки. При желании всегда можно легализоваться в чужой стране или найти способ вернуться на родину. Не хотят? Но и здесь нет ничего притягательного.

Выделенный ему дом оказался с пристроенной кузницей, что и послужило причиной удаленного строительства. Норманн обошел свое новое жилище и хозяйственные постройки. Кроме кузницы обнаружил два сарая, конюшню и курятник. В первую очередь перегнал машину к заднему крыльцу. Перенес в дом приготовленные гостинцы и подарки, затем сумку со своими вещами. После некоторого раздумья махнул рукой и забрал абсолютно все, включая инструмент и аккумулятор. Он не хотел загонять машину в один из этих сараев, а строительство гаража потребует времени, досок купить негде и не на что. Легче поставить сруб и покрыть дранкой. Для ворот можно наколоть двухметровые плашки. Он сам никогда этого не делал, мальчишкой в деревне не раз видел, как мужики от безденежья возвращаются к дедовым методам строительства. Топором аккуратно расщепляют бревно вдоль, подбивая в нужных местах клинья. Затем клинья вбивают до упора, подрубая топором лишние расщепы. Таким способом можно изготовить десятиметровую доску толщиной не менее двух сантиметров. Дальше топор и наработанная рука обрабатывают доску до полутора сантиметровой толщины. Конечно, Норманн такими талантами не обладал, но короткую доску сделать сумеет.

Строительство гаража весьма отдаленная перспектива, для начала следует обустроиться в новом жилище. Большая комната, три спальни и кухня. По планировке очень похоже на

дом, где произошло знакомство, хотя русская печь была сложена правильно. По основному принципу сильно отличался от традиционной архитектуры Русского Севера. Там строят в два этажа, наверху располагаются спальни, внизу горница. Кухня отгораживается печью и никогда не выносится в другое помещение. Не надо ездить в Кижы, это знают в любой деревне. Другой нелепицей являлись сараи, конюшня и прочее. На севере хозяйственная часть примыкает к дому, составляя единую постройку и позволяя человеку перейти к припасам и скотине непосредственно из жилой части. Через дверь на втором этаже входят на второй этаж пристройки, где традиционно обитает домашняя птица, а житейская мудрость заставляет подвешивать окорока и колбасы под крышей. Сараи и хлев для скотины ставят на летнем выгоне и никогда не делают из досок. Проще и дешевле собрать из жердей. Вывод один: хутор строили сугубо городские жители, незнакомые с традиционным русским бытом.

Норманн выбрал себе комнату, развесил и разложил вещи. Еще один нонсенс – в комнатах шкафы с полками, сундуки намного удобнее. Было еще одно наблюдение: в помещениях нет пыли и паутины, что говорило о недавнем отбытии предыдущих хозяев. Осмотрел кухню и посуду, нашел полный комплект для нормальной жизни. Пошел по сараям. В одном обнаружил целый арсенал оружия и боеприпасов. У стены сложены карабины, патроны, гранаты свалены в небрежную кучку, причем со вставленными запалами. Ящик для зерна заполнен хорошо выстиранной форменной одеждой. Об этом надо обязательно поговорить – все сделано по незнанию. Одежду нельзя держать вне дома, полевые мыши или ласки быстро облюбуют ее для своего жилья. Основная часть сарая заставлена картонными коробками, часть из них открыта. Заглянул, там лежали китайские мягкие игрушки: розовые зайчики, красные бегемоты и прочие тигры. Не смешно, для четырнадцатого века все это не менее чем языческие символы – костер обеспечен на раз.

Второй сарай оказался более интересным. На видном месте в ряд три лука с тремя колчанами стрел, три охотничьих ножа и три копья. Явно положили для «сменщиков». Далее в кучу свалены различные «ненужности», среди которых Норманн сразу увидел мотки бельевой веревки. Заинтересовавшись, принялся разгребать завалы. Похоже, что разграбили какой-то склад – всевозможный инструмент и метизы, но ничего полезного, кроме веревки. Из вискозы получится прекрасная тетива для лука. Как и в первом сарае, здесь на три четверти заставлено коробками. Открыл несколько – всякая пластмассовая мутотень, шариковые ручки, декоративные цепи и прочий ширпотреб. Для сегодняшней ситуации нет ничего, кроме бельевых веревок. Впрочем, этого добра свалено около тонны.

В конюшне стоял военный грузовик, название которого Норманн перевел как «Плохой Форд». В углу притаилась пушка и десяток зарядных ящиков. Откинул крышки: на вид нормальные боеприпасы, только вот маркировка ни о чем не говорила. Всякие разные полоски могли означать и бронебойные, и фугасные, и любые другие, о которых у него не было и малейшего представления. Среди снарядов небрежно валялись ящики с взрывателями – самобийцы, да и только, но это подождет. Курытник заинтересовал своим содержимым. На этот раз вместо коробок аккуратные штабели фанерных ящиков с аляповатыми бумажными наклейками. В них лежали стеариновые свечи самых разных видов и размеров – от толстых витых, до простеньких для праздничного торта. Разглядывая ящики, заметил различие в наклейках и полез разбираться с содержимым. Похоже, в грузовике везли новогодние подарки или рождественские, что не существенно, главное – суть. А она показала стеклянные шары и пирамидки с елкой, Дедом Морозом и снегом. В другом ящике оловянные солдатики, машинки, куколочки и прочие подарки. Из всего пригодятся только шары да всякие олени с белочками из цветного стекла. За куколочку, которая закрывает глаза и говорит «мама», прямая дорога на костер.

Кузница порадовала нормальным обустройством, инструментом и солидным запасом древесного угля. По углам сложены обрубки арматуры, полос, даже шестигранник. Последнее

важно, это уже сортовая сталь. В животе заурчало, пора обедать, да никто не зовет. Пошел к домам «старожилов», минут двадцать покружился под окнами и понял, еду просто так не дадут. Ему устроили экзамен на выживание или еще что. Норманн решил не выяснять, не маленький, способен сам себя прокормить. Но и проявленное «гостеприимство» он не забудет, найдется повод – сочтется. Вернулся в сарай, где проверил оставленные луки, «мягковаты» и сделаны не специалистами. Он сам тоже не специалист, но читал про луки в книжке. На рисунках лук без тетивы выворачивается в обратную сторону, становится как бы зеркальным. Оно и понятно – лук, по сути, обычная плоская пружина. В книгах написано, что арабы и турки первые полгода учили своих лучников натягивать тетиву, ибо ошибка приводила к деформации оружия. Тетиву натягивали двое: один садился, упирался ногами в середину и медленно выводил на себя, другой следил за равномерностью и в нужный момент вставлял тетиву в пазы. Тетива делалась из шелковых нитей, а в концы вплетались костяные шарики, узлы на тетиве не допускались.

Здесь же лежали примитивные луки, но явно со стальной пружиной внутри. Стальные вставки делали и в Казани, и в Москве, и арабы, и турки. О праще до сих пор как-то не задумывался, сегодня, увидев шлифованный камень, Норманн вынужден был согласиться, что это весьма серьезное оружие. Но для использования необходимы отработанные навыки, которых у него нет и не может быть. Арбалет получил распространение из-за простоты в обращении, сие оружие доступно и пацану, и женщине. Лук посложнее требует и силы, и умения. Здесь у него был теоретический задел, он видел, как надо правильно держать и стрелять. Ладно, теперь стрелы и снова явная ошибка неведомого изобретателя. Наконечники выкованы в форме липового листочка. Подобная стрела получает два оперения и в полете не устойчива. Наконечник должен быть не тяжелее десяти грамм, иметь форму пули или призмы, что значительно стабилизирует полет. Выбрав лук по руке, Норманн пристрелялся по стене сарая, затем взял нож, забросил в карман зажигалку и отправился на охоту. Куда идти? Да на все четыре стороны!

Дорога «на четыре стороны» вскоре оказалась тропинкой, которая привела к поросшей кустарником опушке леса. Менее чем в километре виднелась речка. «За одно и ушкой посмотрю», – подумал Норманн. Теплое солнышко настраивало на мажорные мысли, а первая же отвлеченная мысль озадачила: «Какой сейчас месяц?» Он ехал по августовскому лету, а здесь явно поздняя весна. Слева что-то мелькнуло. Остановился и прикусил язык, удержав готовое вырваться ругательство. Стайка косуль мирно обгладывала ветки, вот они – протяни руку. В деревне их называли лесными козами, очень пугливые животные. Стараясь не делать резких движений, медленно снял с плеча лук, наложил стрелу. Вот и первая практика в навыках применения древнего оружия. Осторожно натянул так, что тетива коснулась брови. Теперь надо совместить появившуюся вертикальную линию с кончиком стрелы. Вертикальная наводка на уровне интуиции или координации положения рук. Скосил взгляд на стрелу, сделал глубокий вдох и выстрелил в ближайшую косулю. Козочка подпрыгнула и забилась в судорогах, а Норманн, сдерживая охотничий азарт, пошел искать удобный проход между кустами. Он так и не сменил своей одежды, а портить ее и рвать о ветки совсем не хотелось.

Охотничий трофей решил доставить к реке, где легко промыть мясо и требуху. Там же разжечь костер и поджарить шашлычок на затравку, остальное завернет в шкуру и приготовит в доме нормальный ужин. Руслан забыл взять с собой соль, не беда, но обед без соли не доставит удовольствия. Перевязал веревкой ноги косули, вставил палку и понес добычу чемоданом, по-другому нельзя, перепачкает свою одежду кровью. Вернувшись на тропинку, буквально сразу увидел маленький отряд, расположившийся на отдых у реки. На лужайке паслась шестерка лошадей, у костра сидело четверо человек. Норманн сразу вспомнил слова про итальянцев. Ну вот, обед можно совместить со знакомством. Группа «потерянцев» выглядела откровенно старорежимно – нелепые сапоги и шляпы, подобие полупальто из шинельного сукна темно-

синего цвета. У всех четверых правая рука на эфесе шпаги. Парень бесцеремонно подошел к костру, бросил свою добычу под ноги двоим, которых определил как слуг.

– Готовьте обед, я зверски хочу кушать. – С этими словами кинул на косую кухонный нож.

Один из итальянцев сделал шаг навстречу, поклонился и произнес:

– Antonio Ferrara, Maestro Generale Oper Fortificato o architetto, Genova².

Затем шагнул и представился второй:

– Achille Marozzo, Maestro Generale Oper Chiamata duello, Bolognese³.

– Норманн, – немного замешкался и добавил: – Рус, – и совсем некстати закончил: – Шевалье⁴.

Зачем добавил «шевалье»? Он и сам не мог объяснить, вероятнее всего встреча с иностранцами напомнила о Люси, которая всегда его называла «мой шевалье». В воздухе повисла некая неловкость, Норманн хлопнул по плечу обоих итальянцев, затем сказал:

– Брависсимо! – Развернулся и пошел смотреть ушкуй.

На фигу ему эти оперные певцы? Сделать из фанерных ящиков балалайки и петь трио в деревнях «Уно, уно, уно, уно моменто»? Тогда уж они поют, а он как синьор Карабас с плетью. Вон какие мелкие, с трудом до груди достают, да и внешний вид не ахти. Он представил себя со стороны – два метра, косая сажень в плечах, элегантные высокие сапоги тонкой кожи шоколадного цвета с наколенниками и кисточками до земли. В тон бриджи с отливом и атласная рубашка, завершала гардероб купленная в Англии белоснежная куртка яхтсмана. На спине во всю ширь шитый «золотом» орел с венком в когтях и надпись «King's yacht club. London. 1858»⁵. А они? Тьфу, певцы – музыканты, непризнанные таланты.

Иностранцы о чем-то загалдели. Норманн вышел на берег, где увидел десятиметровый баркас и лодку. Подошел поближе: нет, такое сделать ему не по силам. Основу ушкуй составляла вырубленная из цельного бревна долбленка с бортом в ладонь толщиной. Выше шли прибитые на нагелях шпангоуты⁶ не намного тоньше железнодорожной шпалы. Обшивка из досок семисантиметровой толщины. Танк, а не баркас, и вес не меньше тонны. Стоящая рядом лодка отличалась только меньшими размерами. Оба плавсредства густо покрыты черной смолой. Да, тяжела жизнь без досок! Огорченно вздохнул и посмотрел по сторонам. В четырех местах от берега на треть ширины реки уходили плетеные заборы. Ловушки, это хорошо. Простая снасть, а под рукой всегда в достатке свежая рыба. У него в сарае немереное количество вискозы, завтра сплетет десятиметровый бредень, и рыбу хоть на рынок выноси.

---

² Антонио Ферарра, специалист по строительству крепостей, Генуя (*ит.*).

³ Ахилл Марозцо, специалист по обучению искусству дуэли, Болонья (*ит.*).

⁴ **Шевалье** – рыцарь.

⁵ Королевский яхтклуб. Лондон. Основан в 1858 году (*англ.*).

⁶ **Нагель** – применяемый в кораблестроении деревянный гвоздь; **шпанго-ут** – прямая или криволинейная балка набора корпуса судна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.